

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

Деонтологизация понимания

О. В. ДОЛЖЕНКО

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

О. И. ТАРАСОВА

(ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА)*

Статья посвящена проблеме деградации человеческого понимания под воздействием существа техники. Социально-технологическая цивилизация, потребительское общество, становится обществом потребления «чужого умственного усилия» и характеризуется «концом трансцендентного». Разум человека лишен онтологической способности думать, осознанности бытия и понимания происходящего. Господство существа техники из-за своей внешней эффективности отрицает все иные возможности миропонимания.

Ключевые слова: понимание, мышление, воображение.

Deontologization of Understanding

O. V. DOLZHENKO

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES),

O. I. TARASOVA

(BUNIN YELETS STATE UNIVERSITY)

Abstract: The article covers the problem of degradation of human understanding under influence of an essence of technics. The social and technological civilization, consumer society, becomes a society of consumption of «another's intellectual effort» and it also can be characterized by «the end of the transcendent». The reason of person is deprived of ontological ability to think, awareness of entity and understanding of different events. Domination of an essence of technics because of the external efficiency denies all other opportunities of world outlook.

Keywords: understanding, thinking, imagination.

Социально-технологическая цивилизация, ее общество, ставшее потребительским на уровне «привычки к умственному потреблению чужого умственного усилия», характеризуется «концом трансцендентного» (Г. Маркузе). Логика информационно-технических революций «обеспечила» не только научно-технический прогресс, но

* Долженко Олег Владимирович — доктор философских наук, профессор, директор Центра университетского образования Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел. (495) 374-59-30. Эл. адрес: odolshenko@mosgu.ru

Тарасова Ольга Игоревна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры философии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.

и современный кризис человечности, а также кризис миропонимания. Подводя неутешительный итог эволюции человечества за прошедшую историю, А. А. Зиновьев утверждал, что человечество как целое утратило смысл своего бытия, убило фактор своего понимания. Поэтому наиболее вероятный конец человечества — гибель от собственной глупости. Согласно толковым словарям русского языка, глупость — это недостаточность ума и сообразительности, ограниченность разума, поверхностность. Глупость — это состояние разума, лишённого онтологической способности думать, осознанности бытия и понимания происходящего. К сожалению, сегодня мы глупеем. «Не эмпирически, а структурно, по характеру отношения к миру. Но в силу самой глупости, мы этого не замечаем» (Кутырев, 2005: 15).

Одним из следствий «бегства от мышления» является гипертрофированное развитие узкой специализации и отсутствие того, что называют «фундаментальным пониманием». Увлечённость узкой специализацией ведёт не к всеведению, а лишь к информационному многознанию. Как отмечал тот же А. А. Зиновьев, человечество вообще не заинтересовано в истине относительно своих способностей, выходящей за рамки частных примеров и приложений. «Нелепость эволюции состоит в том, что сейчас легче подготовить тысячи специалистов в самых различных сферах науки, чем одного единственного, действительно свободного от предрассудков в понимании основ мироздания и способного развить достаточно высоко результаты своих исследований» (Зиновьев, 2006: 510–511).

Все более обученным, более цивилизованным (в техническом смысле слова) становится человек, все большего прогресса достигает узкая специализация, все более ограниченным и закрытым становится сознание, и тем сильнее упрощается в человеке истинно человеческое, которое становится сначала несущественным, а потом и несуществующим. Кажущееся безальтернативным доминирование техники приводит не только

к кризису человечности, но и скрытой деактуализации понятия «Человек». Как отмечал М. Шелер, имеется «непонимание истинного достоинства и значения человека. Ведь человек в сущностном смысле создает отнюдь не практически-технический интеллект, как это думали раньше; в человеке он лишь количественно развился» (Шелер, 1994: 28). Главная опасность, которой подвержен человек, — это равнодушие к размышлению и полная бездумность, идущие параллельно с хитроумием изобретательства и калькуляцией бытия. Опасно то, что «человек отречётся и отбросит свою глубочайшую сущность, именно то, что он есть размышляющее существо. Итак, дело в том, чтобы спасти эту сущность человека» (Хайдеггер, 1991: 111).

Технический интеллект, по словам М. Шелера, — «интеллект, лишённый мудрости» (М. Шелер). Современный человек, захваченный сущностью техники, — человек с «заданными структурами сознания» (Н. Мусхелишвили), который ведёт себя и чувствует как автомат. Человек без чувств, с гипертрофированным, количественным развитием «технического интеллекта» становится всего лишь Homo Faber, человеком, который «полностью утратил непосредственное эмоциональное отношение к действительности» (Макс Фриш). В ситуации отсутствия чувств, в техническом мышлении основной формой понимания становится калькуляция бытия или, говоря словами М. Хайдеггера, соразмерное техническому сознанию техническое изображение происходящего.

Технический способ мышления оказывает влияние на все разнообразие человеческих взглядов на мир и способах взаимодействия с ним. С точки зрения М. Хайдеггера, сущность человека подчинена скрытой сущности техники, «по-ставу», что и представляет неосознанную и неосознаваемую опасность для человеческой цивилизации. «По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим» (Хайдеггер, 1993: 231, 233). Захваченный поставляющим производством, человек

стоит внутри сущностной сферы постава. Опасность для человека представляет не само наличие машин, технических устройств и аппаратов. Опасность в том, что человек становится инструментом в руках техники.

М. Хайдеггер указывал, что господство существа техники из-за своей внешней эффективности отрицает все иные возможности миропонимания и, прежде всего, «позицию». «Существо постава есть опасность как таковая. Опасность заключается в том, что бытие в за-бывании своего существа отворачивается от этого существа и тем самым оборачивается против истины своего существа. В сфере опасности правит этот еще не осмысленный поворот» (Хайдеггер, 1993: 255). Этот скрытый и не осмысленный поворот, способствующий за-быванию существа бытия и возникновению «закрытого сознания», сложно увидеть и не осознать, потому что последствия технологии не позволяют себя видеть на уровне мнений и понятий, но искажают непрерывно и бессознательно воспринимаемые отношения и модели (Ж. Бодрийяр). Это неосознаваемый поворот, — когда человек как мыслящая сущность, открытая бытию, попадает под фундаментальное принуждение существом техники и возникает феномен закрытого сознания, когда появляется опасность бездумности и бегства от мышления, а вычисляющее мышление становится единственно доступным и практикуемым видом мысли.

М. Маклюэн подчеркивает, что гениальность фонетического алфавита не в изобретении новой знаковой системы. Величие этого изобретения состоит не в создании знаков. Оно заключается в принятии чисто алфавитной системы, где каждому звуку соответствовал только один знак (Маклюэн, 2003а: 75). Уникальность этой технологии состоит именно в том, что только в фонетическом алфавите семиотически бессмысленные буквы используются для передачи-представления семиотически бессмысленных звуков. «Это полнейшее разделение и разведение зрительного и слухового мира было, с точки зрения культуры, жестоким и безжа-

лостным. Фонетически записанное слово приносит в жертву миру смысла и восприятия» (Маклюэн, 2003b: 94–95). Вот это техническое по своей сути принудительное «дифференцирующее соответствие», «1 к 1», воздействует на человека и поныне, оказывая жесткое неосознаваемое фундаментальное принуждение, сокращая возможности мышления и понимания.

Письменность — основа всех иных технологий западной цивилизации. Письменность оказывает фундаментальное принуждение к техническому однозначному типу мышления, на основе которого в ходе информационно-технического прогресса формируется потребительское общество «одноразовой цивилизации». Суть проблемы — во взаимосвязи технологии письменности и скрытой опасности существа техники, ничем технически не являющимся. Однако, используя слова М. Хайдеггера, это не только не решено, но даже не продумано до постановки отчетливого вопроса.

М. Маклюэн говорит, что фонетическая технология расщепляет мысль и действие, и каждый письменный человек неизбежно человек с «расколотым сознанием», т. е. в той или иной степени дуалистический шизофреник. Феномен человечности, в его отличии от существа техники, связан с наличием чувств, со-чувствием. В отличие от человека, освоившего технологию письменности, человек устной ментальности, с недиссоциированным единством чувств, это «сердечный человек», и он делает то, что нельзя рассчитать умом. У него наитие. «Сердечному человеку противостоит шизофреник. Раздвоенный человек, у которого мысль отделилась от чувства» (Гиренок, 1998: 96).

Но бесчувственный рассудок, односторонняя рациональность технического интеллекта, появление Homo Faber, механическое миропонимание (Н. О. Лосский), «знание без (о)сознания» суть результат процесса аналитической диссоциации чувств и дальнейшей «избыточности» всех форм человеческого опыта, его ненужности, деградации, а затем и утраты при доминировании обо-

собленной визуальности, возникающей при интериоризации фонетической технологии. Понимание человека как сверхсложной машины, как производительной силы не исчерпывает его сущности. Особенность отношения человека к миру связана с наличием у него чувств и сознания. Человек выступает как часть бытия, сущего, осознающая в принципе все бытие. «Часть, охватывающая целое. В этом своеобразии человека и его место и роль во Вселенной, включающей человека» (Рубинштейн, 1997: 71).

Фундаментальное принуждение, исходящее от технологии «искусство письменности», непрерывно искажает формы опыта и миропонимания. Аналитическая диссоциация чувств, разрушающая их единство, создает недоступность для обособленного визуального мировосприятия большинства «метафизических осей мира» (П. А. Флоренский) и многоплановости бытия, невозможность вопрошания сверхсущего, невозможность интуиции (во всех ее разновидностях), поскольку в логике обособленной визуальности все мышление и понимание жестко ограничено оптикой видимости. В результате этого возникает «неестественный визуальный уклон», своеобразный род гипноза, «неестественное опьянение реализмом», характеризующее тот тип мышления, который М. Хайдеггер называл представляющим мышлением.

Источник этих мировоззренческих трансформаций немецкий мыслитель определяет в античности. Там, где в результате аналитической диссоциации чувств/форм опыта впервые возникает зрелищное отношение к миру и неестественный визуальный уклон мышления. Под воздействием фундаментального принуждения существом техники разрушается слышащая со-бытийность и реализуется техническая медиамодель «разбиения реальности» (А. Н. Павленко). «Разбиение (умерщвление) мира на представляющего и представляемого (наблюдателя и наблюдаемое) есть необходимейшее и существеннейшее условие существования человеческой рациональности как таковой»

(Павленко, 2002: 79). Представляющее мышление утрачивает укорененность в бытии. Предъявление мира и «мышление-в-мире» трансформируется в представление бытия и «мышление-о-мире». Эта характерная особенность античной рациональности раскрыта в исследованиях С. С. Аверинцева. Вместо нерасчлененных символов человеческого самоощущения-в-мире возникают «категории» мышления. «Ум, неподвластный чужо-му окликанию, высвободившийся из «диалогической ситуации», создавший дистанцию между собой и другим «я», получает невиданные доселе возможности для подглядывания и наблюдения за другими и за самим собой «со стороны», для объективной характеристики и классификации чужих «я» (Аверинцев, 1971: 54). То есть подглядывание, классификация, наблюдение, рассмотрение, исчисление становится пределом «информационного» содержания представляющего мышления в целом и современной экранной культуры, в частности. Прогресс письменной культуры, обособленной визуальности и односторонней рациональности приводит к тому, что «философия, исходящая из cogito, то есть из невключенности, или невключения, в ситуацию как акта, рискует возможностью когда-либо вообще достичь бытия» (Марсель, 2004: 53). И эта недостижимость бытия, его «ускользание от хватки расчета» в представляющем мышлении компенсируется количественно, словами М. Хайдеггера непрерывно калькулируется одна возможность за другой в бесконечном круге (ис)потребления мира.

Аналогом превращения знака «из указания в обозначение» является разрушение состояния переводимости и инвариантности видения к мышлению, ограниченному искусственным пространством бесконечного количества однозначной информации. Современный переход цивилизации от индустриального к постиндустриальному и информационному обществу, многие тенденции современной культуры дают основания предположить, что дальнейшая универсализация семиотического пространства может

превратить человечество в целом в носителя замкнутой культуры, не обеспечивающей возможность адекватно реагировать на качественные изменения, происходящие в окружающем мире. «Этому способствует увеличивающийся разрыв между неустойчивостью окружающей действительности и ориентацией социального внимания на стабильный мир знаков» (Гусев, 2002: 360).

При подчиненности человека существу техники, доминировании бесчувственного технического интеллекта, исчисляющего одностороннего мышления, при жестком фундаментальном принуждении к обособленной визуальности и линейному мышлению становится невозможным учитывать весь спектр вероятностных системных взаимодействий и структурных резонансов, всю систему вероятностных инвариантных связей и возможных взаимодействий в коэволюционной системе «Человек и Мир», где все связано со всем. Закономерно, что происходящее не поддается рационализации, формализации, и человечество постепенно утрачивает контроль и над способом бытия, и над собственной эволюцией.

Процесс аналитической диссоциации чувств, фундаментальное принуждение существом техники, неестественный визуальный уклон и упрощение стихии воображения, «остановленное умственное усилие» (М. Маклюэн) и «деградация творческих импульсов на полюсе восприятия» (К. В. Чистов), односторонняя техно-информационная рациональность и представляющее мышление являются характеристиками процесса деонтологизации мышления.

Хайдеггер говорил, что человек как мыслящая сущность, открытая бытию, должен стихослагать над тайной мира. Но «прозрачная таинственность мира-подарка» сменилась «нагромождением скопища вещей» (В. В. Биbihин), понимание сущности бытия — производством способа бытования, а «деградировавшие тайны» выступают «проблемами метафизики» (Г. Марсель). Человек с закрытым сознанием не только не может решить, но даже заметить (увидеть, обнару-

жить) проблему. Г. Марсель говорил, что замкнутость сознания бесплодна, закрытость — это состояние внутренней инерции и неспособность к восхищению, что «открытость другому и творческий потенциал суть близкие понятия» (Марсель, 2004: 43).

Деонтологизация понимания это трансформация одухотворенно мыслящей сущности, открытой бытию, в закрытое сознание с приобретенными технико-операционными навыками. Это упрощение и сокращение горизонтов осознанности бытия на уровень односторонней техно-информационной рациональности и исчисляющей комбинаторики в результате фундаментального принуждения существом техники, что ничем техническим не является.

В исследованиях А. И. Пигалева показано, что обособленная визуальность тяготеет к пространственности мышления. Потому мышление-о-мире создает *пространство* информации, но *время понимания*, время осмысления, осознания остается вне симультанной калькуляции возможностей представляющего мышления. Речь идет об отсутствии *скорости понимания*, или нулевой скорости мысли, поскольку «остановленное умственное усилие», лишенное творческого потенциала и стихии воображения, это мышление, отстающее от бытия, мышление, лишенное возможности достичь бытия. Поэтому образное выражение «не ведают что творят», или, словами А. А. Зиновьева, «могут все, не понимая ничего», может характеризовать степень миро-не-понимания, отсутствие контроля над образом жизни и собственной эволюцией.

Тесно взаимосвязанными с процессом деонтологизации понимания являются проблема мировоззрения как способа визуального отношения к миру и проблема качественного состояния идеосферы. Еще со времен Платона, разрушившего «слитность символической формы» мысли, и после интериоризации фонетической технологии греки понимали познание как созерцание, как род видения. Но «философское созерцание» — слово опасное в силу своей двойст-

венности. Это слово заимствовано из отношения здравого смысла к вещественно-материальному миру, где созерцание означает всматривание и видение некоего зрелища, тогда как «созерцание» у мыслителя означает не видение, а понимание. Метафорически мы выражаем это как «видеть думанием». На такую формулировку согласится и художник при условии, что думание есть чувство. Тогда надо допустить существование «умного чувства» (Голосовкер, 1987: 146). Но в процессе аналитической диссоциации чувств и утверждения обособленной визуальности возможность «видеть думанием» сменяется «точкой зрения», предъявление бытия — его представлением.

Формирование идеи мировоззрения и картины мира можно рассматривать как проявление процесса диссоциации чувств и развития неестественного визуального уклона, а также как вариант «самомифологии оптикоцентризма». Исходно мировоззрение это видение и «ведение» целого как мышление мета-идеями. «Мир есть “идея” в смысле сверхчувственного умопостигаемого целого, которое нельзя помыслить. ...Мировоззрение как рассмотрение всего мира возможно потому, что мир, который бесконечен, т. е. непостижим, оказывается схвачен целым раньше всякого мировоззрения. Взирать на мир можно только потому, что в нашем чувстве была идея мира, на которую нельзя взирать, потому что она невидима. Невидимый мир делает возможным мировидение» (Бибихин, 2007: 175–176). Мировоззрение — одно из ключевых слов для понимания специфики культурной ситуации нового времени. Как показано М. Хайдеггером, с конца XVIII в. принципиальное отношение человека к существу в целом формируется как мировоззрение. С того времени это слово проникает в язык. Появление слова «мировоззрение» как обозначения позиции человека среди существ свидетельствует о том, «как решительно мир стал картиной, когда человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета» (Хайдеггер, 1993: 51). Специ-

фика нового времени в том, что не картина мира превращается из прежней средневековой в новоевропейскую, а мир вообще становится картиной. В результате кардинальной мировоззренческой революции, осуществленной в философии нового времени, возникло новое положение человека в мире и по отношению к миру. Мир теперь представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли. «Это, в принципе техническое, отношение человека к мировому целому впервые возникло в семнадцатом веке, и притом только в Европе. Оно было долго неизвестно другим континентам. Оно было совершенно чуждо прошлым векам и судьбам народов» (Хайдеггер, 1991: 107).

Формирование оптикоцентризма, визуального уклона цивилизации заняло в истории культуры не одно столетие. И теперь современное «письменное общество мыслит о своем искусственном визуальном уклоне как о вещи естественной и врожденной» (Маклюэн, 2003b: 393). Это визуальная диспропорция мировоззрения является жестким технологическим отклонением от целостного мировидения и не обнаруживаемо на уровне мнений и понятий.

Миропонимание и мировидение, сведенное при воздействии аналитической диссоциации чувств к мировоззренческой позиции среди существа, оказывается, с одной стороны, мышлением, утратившим способность самостоятельно генерировать смыслообразы и в том числе «видеть думанием», а с другой — мышлением, которое перегружено готовыми образными структурами, сознанием с извне заданными структурами, откуда и возникает неограниченная возможность идеологического управления мировоззрением и манипулирования сознанием в пространстве идеосферы. Необходимость исследования механизма деградации образного мышления, связанной с обособленной визуальностью и неестественным оптикоцентризмом, деактуализацией поэтического и трансцендентного, должна быть сформулирована как актуальная междисциплинарная социально-гуманитарная научная проблема.

Закрытое сознание, не способное к непосредственному взаимодействию с реальностью, оперирующее готовыми идеологемами и образными структурами, лишенное чувств процессом аналитической диссоциации, оказывается не просто пассивным и приспособленным к умственному потребительству, но, главное, не способным самостоятельно генерировать идеи, не способным к сверхчувственному прозрению и слаганию метафор.

Современная философия, допуская, что мировоззрение в своей сущности метафизично, пробытие мышления образами, проблеме воображения оставляет вне поля зрения. Так, Я. Э. Голосовкер говорил, что мы до сих пор не сознаем в том, что высшая познавательная способность разума есть работа воображения (Голосовкер, 1987: 18), что идеи суть смыслообразы.

Можно сказать, что переход от образного мышления к информационно-образному потребительству является составной частью неосмысленного поворота, на который указывал Хайдеггер. И если «мифологическое мышление — это мышление под господством воображения» (Голосовкер), то социально-технологическое функционирование — это активизм под господством идеологии. Потому что у закрытого сознания способность понимания, во-ображения, со-ображения, генерирования смыслообразов заменяется соответствием идеологии, или, словами Оруэлла и Бодрийера, «беззаботным соответствием системе».

В технологическом обществе исходный, метафизический смысл мировоззрения — гениальное и непостижимое сверхчувство, ощущение мирового целого — становится избыточным. Мировоззрение теперь не интуиция целого мира, а программа того, как человек должен себя вести, только не в частном случае, скажем в семье, в профессии, а вообще, глобально. «Мировоззрение — общее мобилизационное предписание: каждый иди таким путем и делай то. Оно не созерцание мира, а как раз наоборот» (Бибихин, 2007: 179–180). Можно предположить, что

утрата способности самостоятельно генерировать образные структуры в социокультурном масштабе трансформирует мыслящее сознание в пассивно-потребительское, подменяет способность *открытия* мира и бытия информационной операциональностью, а мировидение — идео-логической (на основе образно-визуальных технологий) манипуляцией сознанием.

М. Шелер говорит, что у человека в принципе нет выбора — формировать или не формировать у себя метафизическую идею и метафизическое чувство. Поэтому идеология в ситуации обособленной визуальности, захватывающая место метафизической истинности, неизбежно подчиняет себе исходные «способности» мировоззрения. Идеология претендует на статус истины, причем — истины наивысшей. «То, на что мы привыкли смотреть свысока в бормотаниях и жестах мудрецов примитивных народов, в современных обществах развилось в космически огромный мир идеологического оболванивания сотен миллионов людей» (Зиновьев, 2006: 315). Идеологическое учение есть не просто сказка о бытии, а руководство к поведению людей. Оно в этой роли по самой своей сути должно быть догматичным и априорным, установочным независимо от изменений и вариаций реальных ситуаций. Оно дает правила поведения людей в определенных ситуациях без научного понимания этих ситуаций, можно сказать — вслепую (без раздумий) (Там же: 315–317). Отличие идеологии как мышления готовыми идеями от мировидения как мышления в генерируемых идеях и смыслообразах в том, что готовые идеи прочитываются, принимаются, транслируются, усваиваются пассивно на основе существующей привычки к умственному потребительству при атрофированном образном мышлении. А для мировидения необходимы самостоятельные умственные усилия, прозрение, интуиция, чувства как естественная человеческая открытость миру.

М. Шелер указывает, что «иметь сферу абсолютного бытия перед своим мыслящим сознанием — это принадлежит к сущности

человека и образует вместе с самосознанием, сознанием мира, языком и совестью одну неразрывную структуру» (Шелер, 1994: 4). Но эта единая, когда-то синкретичная структура в эпоху исчисления бытия, диссоциации чувств, фундаментального принуждения к «линейности, гомогенности и воспроизводимости» (Маклюэн) перестает существовать и пониматься как единая структура. С точки зрения Шелера, «сфера абсолютного бытия вообще, все равно, доступна ли она переживанию или познанию или нет, столь же конститутивно принадлежит к сущности человека, как и его самосознание и сознание мира» (Шелер, 1988: 90), и при этом все формы бытия зависят от бытия человека (Шелер, 1994: 11). Но вследствие диссоциации чувств, утраты всеобъемлющего метафизического мировоззренческого чувства, перехода от мифа к мозаике, дискретности, линейности сфера абсолютного бытия для закрытого сознания недоступна. Для того чтобы разложить содержание земной жизни человека, требуется совсем немного. Нужно разложить определенную форму сознания, и тогда бытие, удерживаемое сознанием, распадется (Гиренок, 1990: 5). Поэтому история трансформации социопсихической сущности человека от поэтики бытия к исчисляющему истреблению мира — это история развития антропологического и глобального системного кризиса.

На превращение мировидения как самостоятельного мировоззрения в идеологию как мировоззрение манипулируемое можно посмотреть как на «социально смоделированный дефект». Согласно Э. Фромму, человек, подчиняясь силе-господству, лишается своей силы-потенции. Он лишается силы использовать все те способности, которые делают его по-настоящему человеческим; его разум перестает действовать; он может совершать умственные операции, манипулировать вещами и самим собой, но он принимает за истину то, что властвующие над нами называют истиной. Он лишается своей силы любить, ибо его чувства взяты в оковы тем, от кого он зависит. Мы подчиняемся власти си-

лы, власти машины, чьими рабами мы стали (Фромм, 2006: 310–312). Аналогично тому, как невозможно обнаружить фундаментальное принуждение существом техники на уровне мнений и понятий, также и насильственная принудительная техническая социализация никогда не становилась предметом социологического анализа.

Функции мировоззрения, полезные для социально-технологического функционирования, формируются под воздействием фонетической технологии письменности и при распространении всеобщей массовой грамотности. «Политграмота — следующий шаг за обычной грамотой. Мировоззренчески вооруженный видит устроенным то, что в принципе не устройство, и складывает целое из частей, как грамотный складывает слово, которое уже не слышат, из «элементов», которые перестали быть «стихиями»» (Бибихин, 1998: 159–160). По мнению А. А. Зиновьева, важнейшая и фундаментальная функция идеосферы — сделать основную массу общества не способной к самостоятельному и объективному пониманию явлений реальности, позволяя им в этом отношении лишь то, что необходимо и достаточно им для исполнения непосредственных социальных функций.

Человек, перегруженный готовыми различными структурами, поглощается медиаповседневностью. Это новый тип информационно-технологической социальности, который, с точки зрения А. А. Зиновьева, Ж. Бодрийяра, превращается в идеальную систему управления, поскольку сохраняется иллюзия отсутствия идеологии. Вся современная «демократия орфографии и телевизора» оказывается той *идео*-логией, той технологически упакованной образной структурой, из круга которой человек, не умеющий чувствовать, мыслить, понимать, осознавать, человек с закрытым, спящим, пассивным, потребительским сознанием выйти не в состоянии. Человек без чувств неизбежно становится человеком без свойств и закономерно оказывается в социально-технологической безбытийной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев, С. С. (1971) Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Два творческих принципа // Вопросы литературы. № 6.
- Бибихин, В. В. (2007) Мир. СПб. : Наука.
- Бибихин, В. В. (1998) Узнай себя. СПб. : Наука.
- Бодрийяр, Ж. (2006) Общество потребления. Его мифы и структура. М. : Культурная революция : Республика.
- Гиренок, Ф. И. (1998) Пато-логия русского ума. Картография дословности. М. : Аграф.
- Гиренок, Ф. И. (1990) Русские космисты. М. : Знание.
- Голосовкер, Я. Э. (1987) Логика мифа. М. : Наука.
- Гусев, С. С. (2002) Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб. : Алетейя.
- Зиновьев, А. А. (2006) Фактор понимания. М. : Алгоритм : Эксмо.
- Кутырев, В. А. (2005) Философия иного, или Небытийный смысл трансмодерна // Вопросы философии. 2005. № 12.
- Маклюэн, М. (2003а) Галактика Гутенберга. Киев : Ника-Центр.
- Маклюэн, М. (2003b) Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. ; Жуковский : КАНОН — пресс — Ц ; Кучково поле.
- Марсель, Г. (2004) Опыт конкретной философии. М. : Республика.
- Павленко, А. Н. (2002) «Экологический кризис» как псевдопроблема // Вопросы философии. 2002. № 7.
- Рубинштейн, С. Л. (1997) Человек и мир. М. : Наука.
- Фромм, Э. (2006) Человек для себя. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ.
- Хайдеггер, М. (1993) Время и бытие: Статьи и выступления М. : Республика.
- Хайдеггер, М. (1991) Разговор на проселочной дороге. М. : Высшая школа.
- Шелер, М. (1988) Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс.
- Шелер, М. (1994) Избранные произведения. М. : Гнозис.

Из хроники научной жизни

13 ноября 2008 г. в Московском гуманитарном университете состоялась научная конференция «Молодежь и инновационное развитие России». Участники конференции — ученые из Москвы, Казани, Белгорода, Рязани — заслушали и обсудили 24 доклада и выступления по проблемам:

- условия развития российской молодежи;
- образование, здравоохранение, культурная среда, человеческий потенциал России и проблемы молодого поколения;
- молодежное движение в контексте социальных перемен: исторические уроки комсомола;
- молодежная политика в России: желаемое и действительное.

Материалы конференции изданы отдельным сборником.